

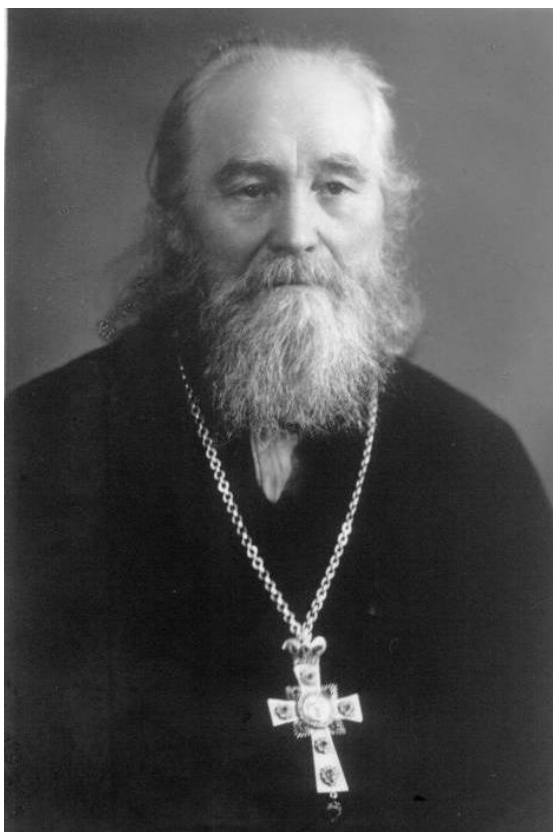
В бараке на реке Шогла.

(Из дневника протоиерея г. Житомира И.А. Серова)

Речка ШОГЛА

2019

Протоиерей Иоанн Андреевич Серов (1875 - 1959)

В дневнике, ныне покойного житомирского священника и поэта, репрессированного протоиерея Иоанна Андреевича Серова содержатся описания событий происходящих в 1933 году в провинциальном городке Онеге, в убогом бараке для ссыльных на северной реке Шогле, недалеко от деревни Поле, на завьюженных проселочных дорогах и в опечаленных деревнях Онежского уезда.

Прошло более шестидесяти лет со времени написания публикуемых ниже страниц дневника. Тем ценнее воспоминания о жителях деревень Поле, Коломинка, Большой Бор, Усть-Кожа, Корельское, Порог, Камениха, Большие Озерки, Малые Озерки, ст. Обозерская, с которыми свела судьба о.Иоанна в онежской ссылке.

И.А. Серов арестован Оперативным сектором ГПУ УССР в ночь с 16 на 17 марта 1931 года. Обвинялся в преступной деятельности, выразившейся в активном участии в контрреволюционной организации, ставящей себе целью свержение существующего строя в СССР и систематическое ведение антисоветской агитации с целью подрыва Советской власти. Являлся одним из руководителей группы “Свято-Николаевского братства”, которая ставила перед собой цель группировки интеллигенции, не признающей Советскую власть.

В БАРАКЕ НА РЕКЕ ШОГЛЕ

Суббота, 8/21 октября 1933 года, река Шогла.
Хочу запечатлеть в памяти особенно это число и день, считая его одним из выдающихся дней моей ссылки. Этот день особенно для меня памятен, потому что он стал началом новых для меня впечатлений. Живя в бараке на реке Шогле Онежского района Архангельской губернии, вот уже шесть месяцев я не испытывал таких новых для меня душевных ощущений, какие переживаю в данный момент. Среди нас пронеслась молва, что скоро будут высильным давать свободу, особенно старикам - инвалидам. Все с напряженным вниманием ожидали, когда же молва окажется действительностью... И вот, наконец, настал день. Представитель сельсовета пришел к нам со списком лиц, которых вызывают в г. Онегу(12). Точно не было сказано, для чего вызывают, но всякий поименованный в списке желал себя уверить, что его вызывают именно для того, чтобы дать освобождение. Среди поименованных оказалась и моя фамилия.

Карта

Когда же мы поехали в г. Онегу, то узнали доподлинно, что освобождение дают только тем лицам, какие отбыли полные сроки, а иные и больше срока, а поэтому многим означенным в списке, в том числе и мне, пришлось возвратиться с некоторым разочарованием. Наконец наступил день знаменательный. Приезжает к нам десятник, опять со списком, в котором

вызывают лиц для получения освобождения, с разъяснением, что и какие требуются документы для получения освобождения.

Трудно представить себе, какое поднялось оживление в бараке среди нас, а особенно среди тех, какие значились в списке. И вот, со дня начала отпуска, барак наш начал пустеть и к дню, в который я делаю заметку, настолько опустел, что не только в бараке, но и во всей окружающей местности на реке Шогле осталось нас только два человека: я, да еще один глубокий старец Архимандрит Каллист, совершенно больной, 72 лет, и вдобавок, совершенно слепой. Сегодня ночью случился с ним какой - то физический припадок, и я думал, что он уже оставит сей мир лукавый и переселится в горние обители.

Всех нас в бараке осталось человек семь, но пять человек пошли в Онегу для получения освобождения и документов. Я же, как уже бывший в Онеге, но еще не отбывший всего срока, должен был остаться на р. Шогле в ожидании документов из дому. Я и остался в бараке для присмотра за вещами, которые оставили ушедшие, а главное, для присмотра за старцем Архимандритом Каллистом.

В стороне от дороги, вдали от жилья, среди тайги и дикого северного леса, как две песчинки на берегу морском остались мы вдвоем... Тихо - тихо кругом. Даже птички, которые раньше покрикивали, и те притихли, как - бы стыдясь нарушить наш покой и мечты дедушки - леса. Эту торжественную тишину нарушаю только я, своим одиночным хождением возле барака: рублю дрова, разжигаю костер для варки пищи себе и старцу... Среди этой торжественной тишины какая - то непонятная волна внутренней торжественности возбуждает во мне желание петь. Среди этой мертвой тишины, которая, кажется мне, сама с любовью будет слушать мой старческий голос и запечатывать на вечное время...

И я начинаю петь... Пою сначала тихо, про себя, а потом, забывая про окружающее, возвышаю свой голос... Я пою и знаю, что кроме старца меня никто не слышит, но мой голос, сплетаясь с моими мыслями, уносится куда - то далеко, в свои родные края, к своим дорогим и милым сердцу... Кто мог бы отгадать настроение и состояние моей души в такой момент ? "Сколь славен наш Господь" - сами собой выговаривают мои уста..., - в былинках на земли Велик..." И смиряется души моей тревога, а мысли с благоговейным чувством погружаются в какой - то океан вечности, и сам превращаешься как бы в ничто, остаешься без мысли, без желаний, с одним только непонятным стремлением куда - то улететь, улететь...

Мой беспомощный сожитель был когда - то человеком видным. Был священником в Симбирске - в миру Константин Павлов. По смерти своей матушки, с которой прожил пять лет, принял монашество с именем Каллиста. Был личным секретарем у многих видных иерархов. по пению и музыке - ученик композитора Смоленского. Был около 30 лет настоятелем Жадовской

пустыни Симбирского уезда. В данный момент он совершенно беспомощен, и что будет с ним, когда нас разъединят ?.. Все мое внутреннее содрогается...

Последний настоятель Жадовской Казанско-Богородицкой пустыни Архимандрит Каллист (в миру Константин Егорович Павлов 1861-1933)

Пишу настоящие строки вечером при освещении маленькой коптилочки... Тишина мертвая. Старец покушал испеченные мной опалихи (картофель) и тихо лежит... На дворе погода сырая - сырая, наводящая уныние. Но мне почему - то не скучно, а как - то спокойно и довольно. Мысли мои ежеминутно улетают в родные края, к родным и близким. Вот если бы в эту тишину можно было перенести недавнее прошлое: братскую службу, храм и участников братской службе... Но нет, тогда не было бы на душе такого покойного мира, как сейчас... Как приятно испытать, так сказать, вкусить сладость уединения... Но ведь я переживаю это состояние моей души в уединении еще неумело, будучи малограмотным в духовной жизни, а что можно сказать о тех столпах сильного духа, для которых уединение было их стихией. Вот они - то: св. Серафим, Сергей, Антоний и другие - воспитанники уединения. Вот где они черпали ту духовную мудрость, которой желали научиться от них даже великие люди мира: цари, князья и бояре и другие знатные люди... Творец и Источник мудрости Господь наш Иисус Христос - и Он перед своим явлением миру, перед началом своего подвига проповеди, удалялся в уединенную необитаемую пустыню...

Возвращаюсь опять к своей барачной жизни. После всех житейских хлопот начинаю заниматься корреспонденцией, т. е. начинаю отвечать на полученные письма от своих близких, родных и знакомых: между прочим, пишу письмо моему милому другу во Христе о. Александру Гаврилюку...(13)

9/22 октября, воскресенье.

За весь день, кроме писем ничего не писал. В начале дня немного взгрустнулось, вероятно, потому, что не был в храме. В храме я уже давно был - причина та, что не на кого оставить свою обязанность сторожа по охране вещей,

находящихся в бараке, а главное - ухаживать за старцем. Утром я прочел канон Сладчайшему Иисусу с акафистом; старец остался очень доволен.

Днем обычное занятие высельных: нарубить дров и приготовить что - либо покушать, или, в крайнем случае, выпить кипятку без чая и без сахара. Первого, т. е. рубить дрова, я себе в воскресенье не позволял, а что касается приготовления пищи - этого не обойдешь и в воскресный день.

Упомянул я о кипятке, и хочу на этот счет распространиться поподробней. Кипяток без чая и без сахара, а почему? Дело в том, что высельные, и я в частности, имели эти продукты, конечно в ограниченном количестве - нам высылали. Но мы скупались их расходовать для личного употребления, а на них старались приобрести продукты, более необходимые и существенные: хлеб, картофель и даже молочные. Обыватели здешнего края имеют особую склонность к некоторым предметам, и как это бывает, вероятно, со всеми народностями, они особенно оказываются слабыми перед такими соблазнительными предметами удовольствия, как чай, сахар, ром, табак и водка. На эти продукты у них можно достать все, что у них найдется - они ничего не пожалеют. Вот причина, из - за которой я, грешным делом, иногда отказывал себе в лишнем стакане чая. Вечером заехали к нам ночлежане, едущие уже домой, получившие свободу мои сотрудники по работе. У них купил булку хлеба за 20 рублей. Слава Богу !.. А то давно не ел хлеба. С приездом ночлежан пришлось не спать почти всю ночь. Во - первых, за больным нужно присматривать, а во - вторых за чужими вещами. Появились в бараке чужие люди, приезжие, и смотри, чтобы что не пропало. Слишком уж стал склонен наш народ к чужому - страшный порок и жестокий бич русского народа. Тайный вор и тайный убийца подобны клеветнику - дьяволу, всегда могут оклеветать невинного.

10/23 октября, понедельник

Сегодня решил натопить баню, чтобы и самому подготовиться, если Господь благословит, в путь на родину. О, родина - свобода, как о ней хочется мечтать и говорить ежеминутно... Явилось желание несколько распространиться о слове "свобода". Прошли тысячелетия жизни человечества, и о значении и достижениях свободы говорили, толковали на разные лады. Выносились разнообразные решения, заключения, предположения. Для проведения в жизнь решений о свободе употреблялись всевозможные средства, доводящие людей до абсурда, до безумия.

Понятия о свободе в мыслительном мире расходились на несколько путей, каждый отдельно разветвлялся в свою очередь, и не было конца всевозможным рассуждениям о свободе. Были и такие, и теперь есть, которые совершенно отрицали существование свободы. Если поставить вопрос о свободе конкретно и ответить на него тем же, то здравый рассудок, желая быть

солидарным с высшим разумом, может только ответить: для человека на земле абсолютной свободы быть не может, если он желает ее ощутить или испытать телесно, т. е. использовать свободу для удовлетворения своего тела или для удовлетворения своего желания. Прежде всего, человек не свободен от смерти. Это самая главная и самая крепкая нить, связывающая человеческую свободу. Вторая нить слабейшая, но довольно прочная и тоже неумолимая - болезнь... Если мы будем добиваться свободы для отвлеченных внутренних элементов человеческой сущности, например, свободы мысли, совести, желаний и т. д., то опять - таки, является другой важный вопрос: знаем ли мы, т. е. люди, или лучше в широком масштабе: знает ли само человечество сущность свободы, [того, к чему] оно стремится и [чего] желает? Из чего она состоит? Как проявляется или может проявляться? Ведь свобода, также, как и мысль, и желание, и совесть существует в каждом человеке, она с ним живет и с ним умирает; почему же люди куда - то за ней гонятся, где - то ее ищут?

Но довольно ! Возвращаюсь к барачной жизни. Повторяю, купил булку хлеба у проезжающих, заплатил 20 рублей. Осталось всего капитала у меня 4 рубля. Почти всю эту ночь не спал. Все боялся за чужие вещи, а наш народ слишком стал склонен к чужому. Как раз в это время возвратился из Онеги один старик – наш сапожник. Он и согласился принять участие, натопить баню.

Вторник

Весь день проходил в большой заботе о больном старце, его здоровье заметно падает.

Среда

Возвратились из Онеги еще два человека, получившие освобождение: один - священник, а другой - светский.

Четверг и пятница

Старец ничего не ел. Видно приближается развязка. В пятницу ночью старец два раза падал с кровати. Пришлось с большим трудом его поднимать - ведь и сам то я едва двигался. Насекомые больного буквально заедали.

Суббота.

Суббота прошла сравнительно спокойно... В одиннадцать часов вечера старец мирно и тихо скончался. Упокой Господи, Господи, душу его с праведными. Я прочитал канон на исход души.

Воскресенье 16/29 октября

Рано утром переодели старца в его подрясник - больше ничего не оказалось. Что я увидел в момент переодевания, того отроду еще не видел: он был обсыпан насекомыми густым слоем, как бы каким зерном.

Понедельник 17/30 октября

Сегодня моя задача выкопать могилу и сделать ее в виде склепа, потому что гроба сделать не приходится. Рано в Воскресенье отслужил я панихиду. С погребением замедлили: ждали прихода еще двух батюшек

Вторник, 18/31 октября

Не дождавшись прихода батюшек, после обеда сделали отпевание приблизительно отпеванию мирских человек, насколько я мог знать на память. Втроем мы внесли тело и похоронили на общем кладбище, опустивши тело в могилу и отслуживши литию, чем и отдали последний христианский долг почившему рабу Божию Архимандриту Каллисту. Вечером возвратились (неразборчиво - прим. ред.) с дороги, уже не заставши старца.

Считаю нужным отметить один штрих из последних моментов жизни почившего о. Архимандрита Каллиста. Когда начались отпуска, барак наш как бы ожил, потом начал пустеть. Отец Архимандрит все это слышал, и когда я остался один с ним, он вдруг показывает меня и говорит: о. Иоанн, когда вы получите из дому документы, дающие Вам право на освобождение, и когда будете отправляться в г. Онегу, закройте меня одеялом с головой, перекрестите и идите с Господом Богом. Т. е. о. Архимандрит как бы благословлял оставить его одного на неминуемую голодную смерть. Эти слова умирающего старца пронзили мое сердце как - бы какую ужасною стрелой... Я упал к нему на груди и зарыдал, как ребенок, причем сказал, призвав Господа в свидетели: пока Вы живы, я не уйду из барака...

Последующее течение событий в нашей барачной жизни свидетельствует, что все совершается по воле Божией к нашему назиданию, спасению и благополучию.

После смерти и погребения о. Архимандрита началось однообразное ожидание лучшей дороги. Вот уже несколько дней падает снег и дождь; дорога сделалась совершенно непроездной, и всякое сообщение прекратилось.

Среда, 19.10/01.11

Необходимость вынуждает меня отправиться в деревню Поле на почту и достать картофеля. На почте получил деньги, высланные из дому на дорогу, посылку от о. Василия Малахова(14) и два письма. Полон радости и надежды. Быть может, Господь даст, и я буду скоро свободен. Возвратился в барак хотя и до изнеможения усталым, но полным надежда на близкое лучшее.

Суббота, 22.10 ст. стилия

Воскресенье и понедельник - достопамятные для меня дни. В субботу праздник Казанской иконы Божией Матери. В воскресенье храмовый праздник на русском кладбище в городе Житомире - св. Апостола Иакова, брата Господня по плоти. В понедельник - празднование иконы Божией Матери "Всех скорбящих радости" - чтимой иконы в Михайловской церкви г. Житомира. Все эти дни, по случаю дождя, пришлось сидеть в бараке.

25.10/07.11

Выпал обильный снег, и немного подмерзло. Возможно, что скоро придется распрощаться с баракком и Шоглой. Где придется мне доживать последние дни, и сам не знаю. Господь укажет...

28.10

Терентия и Неонилы. День для меня достоин воспоминания.

ПОХОД В ОНЕГУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕМ

1/14.11

Вчера получил от своей матушки документ, в котором значится, что она берет меня на поруки. Этот документ я должен буду предоставить в Онежское ГПУ(15), чтобы получить освобождение.

Сегодня день прощания с Шоглой... Вещи сложены, и я сейчас иду на кладбище, чтобы отслужить последнюю прощальную панихиду по своим соузникам, почившим волею Вышнего на этом далеком севере... Картина достойна кисти художника. Господи, укрепи во мне память, чтобы сохранить эти минуты живыми до гроба

Среда, 2/15.11

Перешел на квартиру в деревне Поле и живу пока у старушки Колесовой Павлины Павловны. О ней много будет сказано потом. Это единственная, по моему, в нашей местности женщина. Сегодня иду в село Большой Бор - там завтра праздник св. великомученика Георгия. Ночью у Бурлакова Михаила Степановича. Это люди, которые заслуживают тоже большего внимания с моей стороны. Надо отметить, что они пользовались вниманием и уважением у всех высельных, которым всегда оказывали радушный прием и сострадание.

Четверг, 3/17.11

Рано утром пришел к о. Архимандриту Анатолию. Об о. Анатолии необходимо сказать несколько слов. Отец Архимандрит Анатолий - монах Соловецкой обители. Родина его - это же самое село - Большой Бор. В молодости поступил по обету в Соловецкую обитель, до настоящего момента он был казначеем в Соловецкой обители. После ужасного переворота перешел на свою родину в село Большой Бор и в нем исполнял обязанности священника

Отец Архимандрит, как воспитанник Соловецкой обители, полон духовной мудрости. У него я нашел теплый приют для моего слабого тела и еще теплейший приют для моей больной скорбящей души.

И вот рано утром пришел я к о. Архимандриту - давно уже у него не был. Отец Архимандрит встретил меня с радостью и радушием. Служба прошла хорошо, несмотря на холод в храме - запретили топить. После службы был по обыкновению у о. Архимандрита. Утешение было полное. В первый раз попробовал здешнего шикарного блюда: рыбник с треской. Рыба мне не

понравилась. Имеет какой - то особенный вкус, чем здешние жители особенно дорожат. В день праздника о. Архимандрит ходил по селу с крестом (в храмовые праздники здесь так принято, такой обычай). А я зашел к нескольким бабушкам, которые меня угощали и дарили маленькими лепешками, обильно помазанными картофельным пюре. Ночевал у одной старушки - Ксении Зеновой. Ее хатка ниже моего роста. На другой день опять был у о. Архимандрита и получил большое утешение. В это время все мои мысли были полны предстоящим путешествием в г. Онегу. Что – то принесу из города ?

4.11 старого стиля

Возвратился в село Поле, где проживал, и стал готовиться в дорогу. Хозяйка, у которой я временно остановился, испекла мне несколько житничков (маленьких ячменных хлебчиков) на дорогу.

Дорога из Коломинки в Большой Бор в наше время. Думаю, что и раньше такая была.

8.11 старого стиля, в день св. Архистратига Михаила

Сопровождаемый добрыми пожеланиями моих благодетелей - старушек вышел, я из с. Поле по направлению к г. Онега. А так как дорога в г. Онегу проходила через село Большой Бор, куда я обычно ходил в Церковь, то я и в этот раз зашел к своему духовнику получить напутственное благословение. Духовником был принят, по обыкновению, радушно и с любовью.

9.11 ст. стиля

Утром, напившись чаю и получивши доброе пожелание своего благодетеля и духовника, я отправился в путь. Мороз был около 15 градусов, и снега насыпало порядочно. Проходя встречные села и деревни, я нигде не отдыхал - все думал о ночлеге. Здесь нашего брата ссыльного не особенно с охотой принимают, тем более на ночь. Положим, когда я собирался в дорогу, я кое о чем осведомлялся у знакомых относительно ночлега в дороге, в каких селах лучше принимают на ночь.

Первый мой ночлег выпал в деревне Усть-Кожа. Эта деревня расположена на левом берегу р. Онеги, деревня большая, когда - то была богатая, благодаря рыбным промыслам. Сейчас имеет вид заброшенного сада: много умерло, кое - что умирает, а остальное или умрет, или засохнет.

Наступил вечер. Мороз как - бы ободрялся и напоминал о себе. Надо было искать место для ночлега. Вот тут - то мне и пришлось испытать всю действительность положения ссыльных. В какую избу я не входил с вопросом переночевать, везде слышал один ответ: "разве деревня малая, иди к другим, у нас негде." Прошел с десятков домов, и везде один и тот же ответ. Что делать? А вечер уже вступил в свои права, становилось темно. Здесь, на севере, вечер наступает очень быстро, особенно зимой - в три часа пополудни на дворе становится совсем темно. Прошел чуть не пол деревни, а ночлега все - таки нет - хоть на дворе ночуй. Если бы было лето, а то зима самая настоящая ! Для меня, конечно, был выход из положения: пойти в Сельсовет и дело с концом, но я думал найти приют христианским способом, а не современным.

В конце концов, я все - таки вынужден был обратиться в сельсовет, где, проверив мои документы, указали мне дом, где я могу переночевать, дали записку для хозяев. Но и тут, несмотря на пред'явленную мною записку, хозяева не хотели пускать, а ведь христиане: в квартире есть образа, а я, в свою очередь, говорил, что я высылный православный священник, и вид мой о том свидетельствовал - длинные волосы... Но хозяева ничего не хотели слышать. Я умолял уговорами, давал деньги - ничего не помогало. Но когда, наконец,

согласно записки сельсовета, я остался в квартире, то долго слышал раздраженный голос старушки, выражавшей свое неудовольствие.

Но удивительно, как скоро может меняться настроение людей! Эта же самая бабушка, которая не желала со мной разговаривать, не больше как через час после моего прихода совершенно изменила свое отношение ко мне. А виновником этому лучшему отношению был ребенок лет четырех: с ребенком, как видно, скорей можно договориться, нежели со старыми - взрослыми. Малыш посмотрел на меня несколько раз, как бы подозрительно, я ему ласково мигнул раза два, потом поманил его к себе... К счастью, у меня нашлись сладости, присланные из дому, и дело моментально уладилось. Через полчаса завязалась дружба, и малыш, сидя у меня на коленях, премило наслаждался гостинцами, обнимая меня за шею. Что можно было сказать хозяевам, смотря на такую картину...

Конечно, на ворчание бабушки я несколько раз говорил: "Бабушка, зачем ты так сердись на меня? Ведь я тебе ничего плохого не сделал, смотри, чтобы ты не пожелала потом взять свои слова обратно!" Так оно и вышло. Когда она увидела своего внука, сидящего у меня на коленях и обнимающего мою шею, моментально утихла. Да мало того, тотчас же предложила чайку и даже сахару поставила. Потом появились соленые грибки, горячая картошка и проч. Когда пришло время укладываться на ночь, бабушка устроила для меня возле грубки постель, чтобы было для меня теплее.

Вставши рано утром, ни за что не хотела отпустить меня без чая и завтрака. Но когда я ей доказал, что мне необходимо спешить, наконец, уступила, но очень просила заходить на обратном пути. Вышел я рано, часов в пять утра.

10/23.11

Было еще темно, морозец потрескивал приличный – градусов тридцать. Но я мало его ощущал. Вышел я, конечно, с молитвой и упованием. Ситуация была очень неблагоприятна. Во - первых, дорога совершенно мне незнакома, к тому же было еще темно, а главное – ветер совершенно засыпал снегом дорогу, и мне пришлось идти по указанию телеграфных столбов, копаясь в снегу. В этот день я прошел 41 версту, только один раз отдыхая на пути - в селе Карельском.

Случайно захожу в избу, казавшуюся для меня более приветливой, прошу позволения отдохнуть и согреться, на что получаю полное согласие. При разговоре выяснилось, что я попал в дом, хозяйка которого была родная племянница моей знакомой - бабушки Матроны Ф. Бурлаковой из села Коломинки. Конечно, излишним будет описывать ту Любовь и ласку, которую мне оказала хозяйка, когда я ей рассказал про здоровье и жизнь ее родной тетки. Здесь я согрелся, хозяйка накормила меня, напоила чайком и очень просила заходить на обратном пути.

Согревшись и хорошо подкрепившись, а также сердечно поблагодаривши хозяйку, вышел я в дальнейший путь. Следующее село было порожское - Пороги, на берегу реки Онеги. Село известно по своему исключительному обилию ценной рыбы семги. Люди этого села очень неприветливы, и ночлега в нем найти почти невозможно, о чем я уже был предупрежден. Поэтому я постарался дойти до следующего села Камениха, где жила моя знакомая старушка, приютившая меня в первое мое путешествие в г. Онегу. Усталость была невероятная, но благодаря доброте и заботливости хозяйки - старушки я отдохнул, согрелся и подкрепился бывшими со мной съестными припасами. На другой день утром 24.11 бабушка сварила картофеля, а я сварил суп из бывших со мной продуктов, и мы взаимно угощали друг друга. Хозяйка очень хвалила мой суп, приговаривая: "Какие у тебя, батюшка, хорошие щи вышли!"

От села Каменихи до г. Онеги оставалось 16 км, а потому спешить было нечего, и я, хорошо отдохнувши и подкрепившись и напутствуемый добрыми пожеланиями хозяйки, пошел в город Онегу.

О, Нега! Легендарное название этой реки, которое, будто - бы, дал ей Петр Первый...

До города дошел благополучно в субботу. На ночь, с разрешения хозяев, остановился у одной монахини Дорофеи - высылной из Кавказского монастыря. Вечером пошли в храм ко всеобщей. Храм находится на кладбище... Остальные все разрушены. Батюшки еще не обновленцы... Познакомились с Епископом Вениамином, Викарием Уфимской Епархии. Старец семидесяти трех лет, из простых монахов. Не служит, как и все высылное духовенство.

На постоянную квартиру я поселился у одной бедной женщины - вдовы с шестью детьми, у которой до моего прихода тоже жил высельный священник. Рассчитывал скоро управиться с делами, но оказалось, что нет... Место коменданта занимает женщина. Прием у нее был очень корректный. Оказалось, что необходимо пройти врачебную комиссию для установления своей инвалидности. Прошло двое суток, пока, наконец, получил сопроводительную справку к врачу, а он уже со своим отзывом направил к врачу в здравотдел, где назначили срок прохождения комиссии на 4 - е декабря нового стиля.

Ждать комиссии нужно было целую неделю. За это время пришлось немало испытать. С собой я не мог набрать продуктов на все время. Правда, хозяйка из любезности уступала мне карточку, по которой я мог получить суп в столовой. За это я ежедневно привозил ей дров из лесу. Не буду подробно распространяться о качестве и питательности супа, получаемого в столовке. Очень большую любезность оказала мне комендант, выдавши мне карточку на хлеб на декабрь месяц по 200 граммов в день. Это было для меня спасение.

Время ожидания комиссии пришлось проводить в исключительных условиях. У квартирной хозяйки было шесть душ детей. Старший 15 лет, а младшему 4 года. Крик, ругань, драки раздавались по целым дням, а иногда и ночью. Под такую симфонию не особенно усладишься сном, а к тому же, безо всякой подстилки, на грязном полу. А тут еще и дедушка мороз своей дани требует. И все это вместе взятое вытравляло все мирское пристрастие. И так, не спавши целыми сутками, на ще сердце (неразборчиво - прим. ред.), выражаясь по - украински, о многом пришлось передумать. На четвертый день моего пребывания на этой квартире священник, который жил со мной, получил документы и собирался уезжать. При нем в квартире было тише. И я просил его продать мне с кило муки. У него было с полпуда, он видел мою крайнюю нужду, но не продал. Господь с ним!

Приближался долгожданный момент - день комиссии. День этот выпал на понедельник, по старому стилю 21 ноября - в день праздника введения Пресвятой Богородицы. В субботу, 18 ноября, я пошел к всенощной. Пошел пораньше, чтобы избавиться квартирной "музыки". Как на беду в этот день служащий батюшка очень опоздал, и пришлось ждать начала службы часа два. Мороз был 40 градусов, в храме холодно, и я, видно, немного простудился. пришел я на квартиру, чувствую себя хорошо, но вот с пол - ночи почувствовал сильное повышение температуры. Начало меня ломать и трясти. Что делать, думаю, никакой помощи нет, да и ждать неоткуда. Один момент, и в душу проник какой – то страх. А вдруг хозяйка узнает, что я заболел, испугается – ведь я же не был прописан, а за это ее могут наказать. Мысли, как льдины Ледовитого океана, надвигались на меня, готовые раздавить, окончательно сломить мое самообладание...

Да, сила молитвы спасает болящего, сказал апостол Иаков (Послание Иакова, гл. 5, стих 15: И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему). В эту ночь я положил более тысячи поклонов: падал, изнемогал, почти теряя сознание. И к семи или восьми утра я почувствовал прилив какой - то теплоты, мысли мои прояснились. Поблагодарив Бога, я невольно улыбнулся своему малодушию. Утром почувствовал, что температура установилась, только ощущал физическую слабость.

На литургию я уже не ходил, а ходил на всеобщее бдение. В храме народу вообще бывает мало, а также и в день праздника Введения чувствовался какой - то религиозный холод. Когда я шел в г. Онегу, в моих мыслях воображалась другая картина, более светлая, но действительность оказалась совсем иной. Живущий в Онеге священник, высельный, конечно, говорит мне, что он здесь живет уже три года, всегда принимает участие в чтении и пении и считается как бы псаломщиком, но никогда не получил от посетителей храма не то что какого пожертвования, но даже словесной благодарности.

И вот я вывел такое заключение из наблюдаемого факта, что мы, современные отцы и окружающие нас христиане, наши духовные дети, ничего общего как бы не имеем. Казалось бы, что достижение вечного спасения должно быть нашей общей целью, общим стремлением. Но ничего подобного между нами не заметно. Даже наоборот, наше отношение друг к другу выходит за всякие человеческие границы. Языческий период людей бледнеет перед современным христианством по своему нравственному разложению и религиозному безверию.

Во время литургии поднялась сильная вьюга. Снег сыпал весь день. Пришлось до 6 часов вечера сидеть в квартире, слушать ужасную симфонию, прерываемую иногда гастрольями драматического характера, и ждать начала своей комиссии. Что - то скажет комиссия ? Этот вопрос не выходил из головы. Волнение охватывало меня. А ведь в действительности я не особенно спешил на свободу, более хотел отдаться воле Божией. Но дело начал, следовательно, надо закончить.

На комиссию собралось человек до шестидесяти, а обычно принимают не более сорока. Следовательно, кто - то должен остаться до следующей комиссии. А вдруг я попаду в число не дошедших. Придется тогда ждать следующей комиссии, а когда она будет ? Этот вопрос был для меня очень важен. Ведь и так уже несколько дней сижу на положении отшельника. Просидевши до десяти часов в помещении, где была комиссия, в ожидании вызова, вдруг вижу: выходит сестра и читает фамилии лиц, которые остаются до следующей комиссии. В их числе оказалась и моя персона. К счастью, комиссия назначалась на следующий день - пришлось согласиться. Но удивительно, что я

в этой ситуации оказался совершенно спокойным и пошел к себе на квартиру в самом нормальном душевном расположении, которое уже не оставляло меня до получения документов, т. е. до 7 декабря нового стиля. Комиссия состояла из двух молодых врачей и ассистента. Они отнеслись к нам, своим пациентам, очень снисходительно и вежливо. При свидетельствовании моей особы произошел маленький инцидент юмористического характера. Когда я разделся, у меня на груди увидели крестик. И вдруг один из врачей делает мне вопросительное замечание: "Ты православный священник ? А почему у тебя католический крест?" Пришлось с ним согласиться и объясниться... Этот крестик подарил мне один батюшка, о. Михаил Лярго, едущий со мной в одном этапе. Мой крестик сняли с меня в Житомирском ГПУ, он был золотой...(16)

На другой день, шестого выходной, и в комиссию ГПУ сказали мне явиться седьмого. Какой - то отзыв дала комиссия о каждом из нас, никто не знал... Все узнается в ГПС.

24.11/7.12, в день Великомученицы Екатерины.

Я отправился в учреждение ГПС. Тут меня встретила комендант - женщина очень любезно, сказала несколько ласковых замечаний в мой адрес, и как бы в доказательство своего доброго отношения, выписала мне за целый месяц хлеб, о котором я и не мечтал. Словом, я получил документы об освобождении и самые лучшие пожелания. И как бы в подтверждение всего этого она дала мне 15 рублей с предложением, чтобы я не шел пешком.

Невозможно изложить на бумаге то внутреннее состояние, которое я ощущал по получении документа, дающего мне право свободно возвратиться к своим родным... Да, я уже свободен! Как дорого это слово! И каким нежелательным преткновением может оно являться для тех людей, которые не могут правильно приложить его к человеческой жизни.

Теперь в г. Онеге меня уже ничто не удерживало, и я готов был тотчас же ехать. На возвратном путешествии из Онеги особых приключений не было. Оно было сравнительно удачно. Вышел я из города в пятницу 8 декабря нового стиля, и в Воскресенье, по моему расчету, я должен быть в с. Большой Бор, но мне очень хотелось побыть на Литургии в этом селе и помолиться в последний раз со своим духовником. Конечно, привести это желание в исполнение своими силами было невозможно; для этого надо пройти в два дня 98 верст, что было немислимо: оставалось только положиться на волю Божию.

Вышел я из Онеги часов в двенадцать. Шел не особенно быстро, и рассчитывал ночевать в селе Камениха, что в 16 верстах от Онеги. Когда до села оставалось полверсты, вдруг неожиданно сорвалась страшная вьюга. Небо покрылось каким - то мраком, снег буквально засыпал, вокруг образовалась сплошная белая пелена; в двух - трех шагах совершенно ничего не было видно.

Дорога как бы ушла куда - то, ноги вязли в снегу. Ветер окончательно сбивал с ног. Начнись такое снежное волнение часом раньше, я ни за что не дошел бы до села

Деревня Камениха

Уже придя в село, я на самом малом расстоянии ничего не мог разглядеть. Бабушки своей я не застал дома, [где же теперь] искать ночлега. Случись это в каком - либо другом селе, пришлось бы мне под чьим -нибудь порогом замерзнуть – таких случаев было немало с нашим братом - высылным. Но видно Святой Великомученик Георгий, которого я всегда призываю на помощь, не оставил меня и теперь. Увидя огонек в избе, я пошел наугад к дому. Вошел на крылечко, двери оказались незаперты. Я вошел в сени и отряхнул, насколько мог, снег с себя и своей котомки, нашел ощупью лестницу наверх, на второй этаж, и взойдя на площадку, стал искать двери в избу.

Когда я вошел в избу, вблизи дверей стояла девочка 10 – 12 лет. Увидя меня, она мигом скрылась в другую комнату, а на ее место вышла мать хозяйка. По обычаю, перекрестившись и пожелавши доброго вечера, я стал просить хозяйку пустить меня переночевать и обогреться. И услышал ответ: "Да кто же, батюшка, в такую погоду не пустит крещенаго ! Видишь вот какую погоду Господь посылает!..." И сейчас же помогла мне снять котомку, стряхнула с меня снег и предложила обогреться чайком.

Казалось мне, что я попал в райскую обитель: тепло, сухо, приятно, а самое главное, такая любовь и ласка. Моего хлебушка мне не позволили даже и вынимать из котомки. Самовар был готов, и предложили чайком согреться. Поставили сахар и все прочее к чаю. Словом, самый настоящий христианский прием. Хозяин оказался очень добрый, по занятию - рыболов. Очень много интересного рассказывал вообще о рыбной ловле, и особенно о ловле рыбы семги - самой ценной по своему качеству. Вечер прошел во взаимной беседе, очень интересной для меня. Хозяин оказался довольно развитым человеком, которого можно было слушать с большим интересом. Пришлось и мне рассказать кое - что из жизни нашей Украины.

На другой день ни за что не хотели пустить меня без завтрака и чая. Распрощались очень мило и трогательно. В субботу, выйдя из села, я горячо поблагодарил Господа за Его ко мне милость и благодарил моего покровителя, великомученика Георгия. Мысль моя все же витала во св. храме села Большой Бор, где я часто молился во все время моего пребывания на Севере. Хотелось бы еще раз помолиться в нем. Завтра, думаю, Воскресенье, а я буду все время в дороге...

С такими мыслями, полными сожаления, а также и с молитвой св. великомученику Георгию, я дошел до села Пороги. Милость Божия не замедлила явить себя моей худости. Какой - то человек ехал из Онеги в Чекуево за рабочими; у него было две подводы, и ему одному было трудно управляться с ними. Задняя лошадь шла, куда хотела, и я видел, как он мучился с ними и ничего не мог сделать. Когда я с ним поравнялся, то он, узнавши мое направление, сказал: "Дедушка, вот тебе вожжи. Сани полны сена, садись и только управляй! " Кто может понять мое удивление и радость! А ведь от села Пороги до Чекуево 60 километров.

Мы ехали и день и ночь, не останавливаясь, разве что для небольшого отдыха лошадям, и в три часа ночи были уже в селе Чекуево, а от Чекуево до села Большого Бора оставалось 9 километров. Еще не было 6 часов, как я уже был в квартире моего дорогого старца. Удивление и радость выражались во всех движениях и взглядах о. Архимандрита. Когда прошел первый восторг встречи, старец и говорит: "Видно Сам Господь привел тебя сегодня ко мне, а я уже думал, что сегодня и служить не буду - не с кем..."

После Литургии о. Архимандрит отслужил для меня благодарственный молебен, и я горячо со слезами благодарил Господа за Его великую милость ко мне недостойному. Весь этот день провел я у старца, и наша беседа вечером длилась далеко за полночь. Сознывая, что настал последний момент нашего совместного общества, каждый из нас спешил излить свои душевные переживания. Переходили от прошедшего к наступающему времени,

останавливались на каждом особо выдающемся событии, проводили сравнения и заключения, и все это покрывали своим тяжелым вздохом.

ПРОЩАНИЕ С НОВЫМИ ДРУЗЬЯМИ

На другой день, 28 ноября старого стиля, пошел я прощаться с некоторыми старушками, исключительно ко мне относившимися; бедные и радовались моему освобождению, и тут же выражали свое искреннее сожаление: "Кто-то теперь будет служить с нашим батюшкой?!"

Картина моего прощания с новыми друзьями с далекого Севера была в высшей степени умилительной. Мой дорогой батюшка с виду был как - бы спокойный, но при всяком замечании с его стороны и разговора, если он касался моего отъезда, голос его заметно дрожал, и вот тогда - то в нем виделся духовный воин, закаленный в духовной борьбе. На таких духовных борцах и духовных столпах веры - зиждется и стоит Церковь Христова. Они с виду кажутся иногда строги и как - бы суровы, но в действительности внутреннее состояние их духа всегда находится под влиянием духа Божия, любовью согревающего и расплавляющего их существо в нежную ласку, полную смирения и кротости...

Ну, батюшка, сказал мне, наконец, старец перед прощанием, - вот ты и дождался того желанного момента, о котором думал и говорил не один раз. Хотя мне, одинокому старику, и жаль расставаться с тобой, но я очень рад твоей радости. Трудно словами высказать то внутреннее состояние, которым была полна моя душа... Упал я в ноги старцу и говорю: "Батюшка, простите меня ! Может я вас обидел чем во время моего посещения !.." Но на мой вопрос я не получил никакого ответа... Две старческих слезы скатились на его благообразную бороду... Упал я на грудь старцу, и несколько минут в комнате, кроме вздохов старца и моего всхлипывания была какая - то особо таинственная тишина...

Через год после моего возвращения я получил известие, что старец арестован приблизительно в 1935 году, а еще через год мне стало известно о его смерти в ссылке. Господи, упокой его блаженную душу в селениях праведных. Когда его высылали, ему было уже 75 лет...

Ну, пора сказать несколько слов о других памятных мне местах: селе **Поле**, где я больше всего жил, и селе Коломинка, где у меня тоже были добрые знакомые. Село Поле было центром моей жизни на высылке. В это село я прибыл в самом начале своего срока. Отсюда я имел связь со своими домашними. В этом селе было отделение почты, и следовательно, вся моя

корреспонденция сосредотачивалась здесь, поэтому в селе Поле было у меня и знакомых больше, были и близкие друзья...

В начале высылки я жил в этом селе на вольной квартире, да и многие из высылных тоже. Казалось, что мы живем как вольные граждане в новой свободной республике. Тут есть почта – для высылного лучшее утешение; и на почте нас бывает иногда сразу человек по несколько: кому письмо, кому переводы, кому посылки, и все это встречается с каким - то Пасхальным торжеством. Тут же сейчас передаются и новости. Словом, почта для нас была лучшим местом и для обмена мыслями. Бывало так: если я не иду на почту, а мне что - либо пришло - посылка или деньги или письмо, то ко мне тотчас же приходит кто - либо из посетивших почту и сообщает: "Вам на почте есть то - то и то - то! Идите!" И так каждому.

Так вот, повторяю, село Поле было главным пульсом нашей жизни. Здесь были у меня хорошие знакомые, здесь я доживал свои последние дни перед освобождением. Здесь же сосредоточилось все мое хозяйство, отсюда я должен окончательно выбраться, чтобы отправиться в путь.

Моя хозяйка, где я жил, Колесова Павла Павловна, старушка 64 лет, вдова, в высшей степени интересный человек. О ней я еще в начале этого дневника обещал кое - что рассказать. Она по своему укладу жизни, характеру, взглядам и рассуждению совершенно не подходила под общий уровень местных женщин. Грамотная, религиозная, в высшей степени отзывчивая, а самое главное - не болтливая. Этот порок особенно развит среди местных женщин. Познакомился я с ней с первым моим появлением в здешних краях, и даже сначала хотел у нее остановиться на квартиру, но у нее уже были квартиранты.

На фото Колесова Павла Павловна с внучкой от сына Колесова Ивана Фёдоровича. Фото из архива Колесова Леонида Ивановича (внук Павлы Павловны)

Познакомившись, мы как - то очень скоро поняли друг друга, и смотрели на совершавшиеся события очень согласно. Она живет полузамкнуто, редко выходит из дому, кроме как в церковь да по хозяйству. Любит читать книги религиозного содержания, читает и таких [писателей], как Тургенев, Писемский и др. Читала много книг церковно - исторических. Знакома с историей нашего Отечества и династией его управления. С ней можно было интересно побеседовать, особенно на исторические темы. В последнее время я достал у одного селянина Библию, чему она была очень рада. Очень часто мы с ней читали эту священную книгу. Я читал, а она слушала. Конечно, чтение сопровождалось беседой и скромными христианскими рассуждениями.

Современная жизнь с ее событиями может служить теперь самой обширной темой для людей религиозного настроения. Когда нас загнали на реку Шоглу, то дали строжайший приказ жителям, чтобы высылных никто в дом не принимал и не продавал никаких продуктов, и этим как бы осуждали нас, инвалидов, на голодную смерть. Тогда - то Павла Павловна показала себя истинною крестьянкою. Многие жители тогда от нас отказались, а она осталась верна своим убеждениям. Руководствуясь учением Христовым, она никому из ссыльных не отказала в милости, и чем только могла помочь - помогала. Ей и угрожали, и проч., но все, слава Богу, обошлось благополучно. Меня она положительно спасла от голода. Сама питалась пайком, а паек, известно, ограниченный, но мне никогда не было отказано в куске хлеба и картофеля, а иногда и молочком кормила. Я вмнил себе в неперменное обязательство молиться за нее и за ее детей до конца своей жизни.

Так вот, с этим центром я и пришел прощаться. Павла Павловна напекла мне на дорогу хлеба, насушила сухариков, пирожков и проч., так что путь мой, в смысле питания, был вполне обеспечен.

Сначала я решил выехать в пятницу 2 декабря старого стиля, но меня задерживал мой сотрудник, о. Леонид Корженевский, волынец, к несчастью, обновленец. Мы с ним сговорились ехать до станции на своих парных - родных...

Саночки "чунки" мне подарили добрые бабушки, следовательно, все было в порядке. Вещей у меня со всеми продуктами собралось пуда четыре, но о. Леонид оказался еще не готов. Ждать его, когда было уже все готово, и когда вся душа и мысли неудержимо стремились к родному очагу, я был уже не в силах, и окончательно решил выехать в воскресенье, в день памяти св. великомученицы Варвары 3 декабря.

Деревня Поле, прямо дом Павлы Павловны Колесовой, которую тепло вспоминает Иван Андреевич Серов. Её дом четыре окна спереди, в два этажа, первый этаж не обделан, крыльцо справа, а слева виден край горенки. У нас пристройку с боку дома называют «горенкой». (Прим. сост.)

Бурлаков Михаил Степанович и сын его Степан.

*Матрёны Фёдоровны (жена Михаила Степановича) фото не сохранилось
Фото из архива Бурлакова Ф.Я.*

*Бурлаковы жили в д. Поле на
Каламинке.*

В субботу вечером был в селе Коломинки, прощался с Бурлаковыми. Бурлакова старушка Матрена Федоровна провожала меня со слезами и причитаниями: "Батюшка, кто - то теперь придет ко мне и расскажет что - либо хорошее! Остаюсь я одна, одна никому не нужная..." Эта Матрена Федоровна - человек в высшей степени добрый и отзывчивый. Она, бедная, плохо видит и плохо слышит. Ее дети погибли в гражданскую - это лишило ее и слуха и зрения.

Четвертого, в Воскресенье, в шесть часов утра у Павлы Павловны уже был готов самовар и горячая вареная картошка. Дочери не было дома - повезла почту. Хотя день был воскресный и праздник Великомученицы, и не следовало бы рано кушать, но случай был исключительный. Помолились и сели вдвоем за стол. Разговор как - то не клеился. Мои мысли сами собой невольно стали чаще улетать к югу, хотя рассудок и говорил мне, что эти последние минуты следует отдать этому человеку, доброму, отзывчивому и находящемуся тоже под влиянием грусти...

Вижу, что она смотрит на меня и как бы хочет что - то спросить, и говорю: "Павла Павловна, Вы меня извините, что я немного как бы рассеян..." "Да, батюшка, - говорит она, - теперь твои мысли уже не здесь, а дома, я это чувствую! Но ведь это так естественно... Судьба тебя забросила к нам помимо твоего желанья, и ничего хорошего ты здесь не видел. Да и что ты мог увидеть хорошего среди нас, темных людей !.. " Конечно, много нужно было употребить искреннего красноречия, чтобы убедить ее в том, что я оставляю эти места с некоторой тяжестью и сердечною скорбью. Я, говорю, уже немного привык к Вам, искренне оценил Ваше ко мне отношение, и совсем не считаю за людей темных, а считаю Вас, наоборот, людьми в высшей степени порядочными и сердечными. " Последний раз, батюшка, смотрю я на Вас, - говорит она, - и с кем то я поделюсь своими думами?.. Чай не пился, да и кушать не хотелось под этот минорный аккорд, а потому я предложил Павле Павловне лучше помолиться.

Об этом я еще раньше думал, а теперь надо было осуществить заветную мысль. Епитрахиль у меня была, подрясник тоже, а главное - была книга молебных пений. Начал служить напутственный молебен с припевом Великомученице. На молебне вспомнил о своих, о всех Житомирских, а также помянул и хозяйку с семейством. После молебна Павла Павловна не выдержала, упала к моим ногам и со слезами просила не забывать ее в молитвах...

В последний раз осмотрев багаж и приведя его в порядок, я начал окончательно прощаться... Бедная старушка рыдала, как ребенок... А я разве мог быть спокоен... Эти минуты до смерти не забудутся...

На дворе стояла ясная погода, но дня два назад была метель, а потому дорога не могла быть особенно гладкой... Напутствуемый слезами и добрыми пожеланиями доброй старушки, наконец, я выехал из дома, так тепло приютившего меня...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

До железнодорожной станции "Обозерская" было 74 км. Рассчитывал проходить по 25 километров в день. Одежда, конечно, потеплее, но впоследствии оказалось, что напрасно: когда я пришел в село Усолье, что в 5 км от Поля, то на мне не было нитки сухой от пота. Конечный пункт этого дня должен быть постоянный двор "Чуново". Почти не помню, как я до него добрался. Когда я отошел дальше от жилья в лес, то там дорога оказалась почти совсем занесена снегом. Саночки мои загрузили, то и дело приходилось их вытаскивать и поднимать. Нервы напряглись, силы слабели. Последние 2 - 3 километра пришлось отдыхать через каждые 5 - 10 минут. Ноги совсем отказывались идти, руки превратились в какие - то беспомощные плети. Я уже стал сомневаться в том, дойду ли до Чунова, хотя сам прекрасно знал, что оно уже совсем рядом...

Переживать такие моменты, когда сознание ясно тебе говорит, что жизнь твоя на волоске, что ты смотришь прямо в глаза смерти, очень тяжело... Чтобы понять тяжесть таких моментов, их надо пережить, - высказать их невозможно. Таких моментов пришлось мне испытать три в период моей высылки. В первый раз - когда мы пешком шли от станции Обозерской к дорожному строительству, второй момент, когда я упал с плота в трясины, и чуть не был ею засосан, и третий, последний, когда я возвращался домой. Все эти три случая я не могу принять иначе, как только за промысление Милости Божией о моем достоинстве, особенно последних два. Это не то, что я болел тифом в тюрьме и готовился умереть, Болезнь настраивает дух человека иначе. А вот в таких случаях, когда человек чувствует, что здоров и что несколько часов назад у него были радужные мысли, предположительные и успокоительные, которые окрыляли его надежду и вдруг перед глазами виднеется смерть... Как хотите, неприятно!.. Конечно, я был молитвенно настроен покориться воле Божией, но грязность, грязность души, прельщаемой миром, вот что именно меня страшило! Вспомнишь о вечности и подумаешь: что для нее сделано? Кажется, ничего!.. И невольно волос на голове зашевелится...

В Чунове добрые люди пособили внести в помещение мои вещи, да и меня тоже, ибо я сам почти не двигался. Все на мне было мокрое от пота, мокрое и полумертвое, потому что на дворе порядком морозило... Первый этап

моего пути пройден, а я жив, что же больше! Слава Богу, тридцать одну версту прошел, осталось 43 на два дня, следовательно, будет легче.

Следующая остановка - село "Большие Озерки" в 22 км. Прошел без особых приключений, но на что и на кого я был похож! Усталый, изможденный, с ноющими членами... При самом въезде в село неожиданно сорвалась страшная метель, но я был уже вне опасности... Хозяйка, к которой я зашел, оказалась очень добрая и предложила мне лечь на печи, чтобы согреться и обсохнуть, а для меня это было самым необходимым...

На третий день, 6 декабря старого стиля, в день Св. Николая, нашего всеобщего покровителя, была оттепель. Буря утихла, и хотя небо было серое и сумрачное, но казалось, что падать ничего не будет. Однако, к полудню стал падать снег, сперва мелкий, реденький, а потом все крупнее и чаще, и в конце концов стал превращаться а туман и дождь.

Конечно, будь в здешней местности частые поселки, можно было бы переждать такую погоду, но так как здесь от последнего моего ночлега до следующего никаких поселков нет, то в силу необходимости пришлось продолжать свой путь до конца под сеющим, как из сита, дождем.

Эта последняя остановка, село Малые Озерки, отстоит от станции Обозерской в 2 -х км., а от Больших Озерок - в 20 км. Казалось бы, переход небольшой, но, из – за неблагоприятной погоды и, принимая во внимание страшную усталость, идти пришлось до позднего вечера. Когда я бывал в селе Большой Бор, то там пришлось познакомиться с одной женщиной, Александрой Андреевной Ивановой, брат которой жил в селе Малые Озерки. Она - то и дала мне письмо к брату, в котором и просила за меня. Этот брат ее, Иван Андреевич, а также его супруга Марья Васильевна, оказались люди в высшей степени религиозные - истинные христиане. Они приняли меня, как ангела Божия.

Боже, Боже! Я никогда не испытывал и не видел такого благоговейного и полного любви отношения, какое было оказано ими мне... Мне, такому мокрому, грязному было оказано самое горячее радушие. Сейчас же согрета была вода для умывальника, дано было чистое белье. Мой полушубок, который был совершенно мокрым, был выскоблен, вычищен. Кровать была приготовлена в таком виде, что я стыдился даже подойти к ней. Словом, мне казалось, что я только что родился в каком - то новом мире, о котором что - то смутно припоминаю из неведомо когда бывшего. ...Чай, сахар, а также все прочее к чаю. Затем ужин: рыба, грибы, молоко, булка - все что - то сказочное, а, главное, теплая, чистая комната. Все это казалось мне каким - то раем Божиим... Когда я немного пришел в себя, то и тогда не знал, как благодарить добрых хозяев за их любовь и христианское отношение.

Нужным считаю отметить случай, произошедший со мной при входе моем в означенное село Малые Озерки. Было уже совсем темно, и мне надо было найти квартиру Ивановых. Пришлось спросить несколько встречных людей, повернуть из одной улицы в другую. В избах горели огни. Вдруг на одном из перекрестков встретился с целой толпой современных учеников - школьников. Боже, я не успел опомниться, как на меня посыпались градом комья снега. С криком: "Бей его! Глуши его!.." толпа надвигалась на меня со всех сторон. Я упрашивал, усовещал, стыдил - ничего не помогало! Если бы не подвернулся какой - то мужик, разогнавший толпу, не знаю, чем бы все это кончилось. А ведь вся эта звероподобная орава совершенно меня не знала. Не знала, кто я. Внешность моя ничем не отличалась от других. Если бы я был в подряснике или в рясе, то тогда можно было бы не особенно удивляться, потому что в школе внушают детям, что священники - попы - самые ужасные люди. Почему ужасные - о том не объясняется. Вид священника, если он в рясе, делает безбожников невменяемыми. Они становятся подобны бесноватым: у них сердце закипает неограниченной злобой, лицо искажается, и они положительно теряют самообладание - верный признак беснования.

Так вот, после этого случая я, наконец, попал к людям, которые по своему внутреннему содержанию и внешнему обращению являли собой истинных последователей Христова учения. Этот факт я хотел особенно подчеркнуть, чтобы заставить тех, кто будет читать сии строки, задуматься о том будущем поколении людей нашей Родины, которое воспитывается в богоотступническом духе. Оно необходимо должно дойти до такого состояния разложения и извращения, до которого дошли содомляне, с добавлением к тому неограниченной злобы. Житомирское людоедство 33 года служит подтверждением тому. Сохрани и заступи нас, Царица Небесная, от такого ужаса!

Станция
Обозерская

В среду, 11/24 декабря в 12 часов ночи я уже сидел в вагоне поезда, мчавшегося в Москву. Теснота, духота, а также давка пассажиров совершенно мною как бы не замечались. Моя мысль была полна прошлыми и настоящими моментами. Чайник, подаренный мне доброй Павлой Павловной, оказался очень нужным, и благодаря ему я приобрел некоторое внимание пассажиров. Но главное - я был свободен. Мне не нужно было бояться ни прораба, ни десятника Шарапова, ни Усольского милиционера, который любил называться комендантом. Хочу сказать несколько слов о прорабе. Если его назвать зверем, то это будет обидно для зверей, у которых есть какой - то инстинкт страха и сытости. Но это был человек - подобие самого демона, исполненный адской злобы и ненависти. Уму непостижимо, что он выделялся с людьми...

В вагоне происходил спор, препирательства из - за мест, но я о месте почти не думал, я готов был все время стоять - ведь я стал свободен!

По приезде в Москву первым делом было купить кило белого хлеба. Ни о чем я так не скучал, как о белом хлебе. Из Москвы ехать было много лучше. Тут мне пришлось встретиться с женщинами из Житомира, начались вопросы - вопросы и проч.

В Киеве пришлось ждать недолго. Вот, наконец, тронулся и киевский поезд. Мысли стали как - то невольно все чаще и чаще устремляться к Житомиру. Вот и Коростень ! Суета вокруг - обычная при остановках поезда. Какое - то передвижение пассажиров. Но мне все это как - бы чуждо... Тронулись. Между пассажирами в разговорах слышны знакомые названия сел, местечек... Горбаши ! Слышу выкрики, значит скоро Житомир ! Мне казалось что в этот момент он мне действительно был очень дорог... Через час или больше поезд стал замедлять свой ход. Еще через некоторый промежуток времени начали раздаваться свистки - все признаки приближения к вокзалу...

Толчок, маленькое сотрясение, и поезд остановился... Обычная суতোлка, шум... И сердце у меня почему - то застучало громко - громко... Выхожу на перрон, читаю: Житомир! Полминуты какого - то столбняка, наконец, очнувшись, ринулся вслед за пассажирами в вокзал. Вхожу, а сердце так вот и колотится... Что такое, думаю, за малодушие!.. А вдруг кого встречу? И опять не могу никак совладать с собой... Проходит минут пять - десять, морозец заставил очнуться и подумать о подводе. Мой внешний вид был довольно непрезентабельный, и если бы кто из знакомых меня и встретил, то едва - ли узнал бы.

Нашел какого - то возницу с одной кляченкой, и он за три рубля согласился доставить мою персону до места. Было часов шесть утра. После трехлетнего отсутствия город как будто изменился. Вот и Каретный переулок, место обиталища моих родных и дорогих... Жена моя со средним сыном

Алексеем... Когда остановилась моя подводка, в груди что - то как бы сдавило, и на мгновение я готов был потеряться... Но Боже, прости мою слабость!

Дверь открыла супруга... Сын бедный болел ангиной... Что подробно описывать встречу! Она может быть понятна тому, кто сам испытал подобные переживания...

Итак, закончился один период моих жизненных испытаний, которые мною здесь записаны приблизительно. Но это, думается мне, еще не конец; конец еще впереди, а может и не в далеком будущем.

1935 год, г. Житомир. Иоанн Андреевич Серов.